

Московский педагогический
государственный университет



Н. П. Таньшина

Франсуа Гизо: политическая биография



Москва
2016

Наталия Танышина

**Франсуа Гизо:
политическая биография**

«МПГУ»

2016

УДК 94(44)"14/18"Гизо Ф.
ББК 63.3(4ФРА)5-8Гизо Ф.П.Г.

Таньшина Н. П.

Франсуа Гизо: политическая биография / Н. П. Таньшина —
«МПГУ», 2016

ISBN 978-5-4263-0312-6

Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787–1874) является одной из ключевых фигур политической жизни Франции эпохи Реставрации (1814–1830) и Июльской монархии (1830–1848). Он был первооткрывателем в различных областях научного знания, таких как педагогика, конституционное право, история и социология. Как и многие из его современников, Гизо сделал две карьеры одновременно: политическую и научную, но неудача первой затмила блеск второй. После Революции 1848 г. в забвении оказался не только политолог эпохи Реставрации, но и крупный специалист по истории Франции и Великобритании. Только с конца XX столетия Гизо стал восприниматься как один из значительных политических деятелей и глубоких политических мыслителей Франции XIX века. Наполеоновская империя и Ватерлоо, реставрация династии Бурбонов, Июльская революция 1830 г., возведшая на трон короля Луи Филиппа Орлеанского, и Февральская революция 1848 г., лишившая его престола, Вторая Республика и Вторая Империя, Франко-прусская война. Седан и Парижская Коммуна – все эти бурные события происходили на глазах Гизо, причем он был не просто их современником, а зачастую самым активным участником. Рекордсмен по времени нахождения во главе министерства, Гизо был не только ключевой фигурой политической истории Франции в годы Июльской монархии, но и главой большой семьи, заботливым отцом и любящим дедушкой. Потеряв двух жен, на двадцать лет он обрел личное счастье с русской подданной, княгиней Дарьей Ливен, нетитулованной королевой европейской дипломатии. Для историков и всех, кто интересуется историей Франции и европейской историей.

УДК 94(44)"14/18"Гизо Ф.

ББК 63.3(4ФРА)5-8Гизо Ф.П.Г.

ISBN 978-5-4263-0312-6

© Тяньшина Н. П., 2016

© МПГУ, 2016

Содержание

От автора	7
Глава 1	11
Ним и Женева	11
Париж. Полина де Мелан и начало карьеры	14
Первая Реставрация и Сто дней	19
Вторая Реставрация и доктринеры. «История происхождения представительного правления»	22
Глава 2	31
На пути к «Трем славным дням»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталия Танышина

Франсуа Гизо: Политическая биография

*Светлой памяти моего Учителя, Ирины Аркадьевны Никитиной,
посвящаю*

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образо-
вания

«Московский педагогический государственный университет»



Рецензенты:

Ж. В. Петрунина, доктор исторических наук, профессор кафедры «История и архивоведение» ФГБОУ ВПО «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет»

А. А. Орлов, доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории МИГУ

От автора

«Гизо? – Обогащайтесь!» – примерно так на вопрос об этом политике могла бы ответить читающая публика, более или менее знакомая с историей Франции. Действительно, имя Франсуа Пьера Гийома Гизо (1787–1874), историка, социолога и государственного деятеля, теоретика и практика режима представительного правления, предвестника идей европейской интеграции и мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем, на протяжении долгого времени было незаслуженно забыто. Конечно, как историк Гизо был известен, и его исторические труды по истории цивилизации во Франции, истории Английской революции середины XVII века были известны и популярны в России (вспомним пушкинского графа Нулина, который привез «из чужих краев» среди прочего «ужасную книжку Гизота») и не потеряли значимости и по сей день. Однако, как политик, Гизо был непопулярен как среди своих современников, так и среди исследователей. Вплоть до недавнего времени его воспринимали как ультраконсерватора, душителя реформ, способствовавшего режиму коррупции, в целом как министра, политика которого привела Францию к очередному революционному взрыву.

Даже современники, симпатизировавшие Гизо, описывали его как весьма мрачного, надменного и саркастичного человека, сравнивая его за манеру выступлений и внешний облик с Жаном Кальвином. Например, литературно-политический журнал «*La Revue des deux mondes*» («Обозрение двух миров»), занимавший лояльную позицию по отношению к правительству короля Луи Филиппа, в 1834 г., публикуя статью о Гизо, писал: «Если бы вам довелось побывать на одном из заседаний французской палаты депутатов, вы увидели бы на скамье министров человека с бледными и впалыми щеками, глаза которого, глубоко ввалившиеся, кажутся огнями, сокрытыми на дне пещеры. Одна рука его обыкновенно засунута под жилет и судорожными своими движениями напоминает игрока, который при лопающемся счастье потихоньку дерет когтями свою грудь. Его протяженная, но тем не менее резкая речь, и пилит, и рубит; голос глухой и почти могильный усугубляет печальное выражение физиономии; и когда он прибегает к сарказму, что, правда сказать, редко случается, насмешка в его устах всегда имеет что-то ужасное»¹.

Франсуа Гизо является одной из ключевых фигур политической жизни Франции времен Реставрации и Июльской монархии. Он был первооткрывателем в различных областях научного знания – таких, как педагогика, конституционное право, история и социология. Однако вплоть до конца прошлого столетия он не был широко известен как глубокий политический мыслитель². Причины этого забвения заключались не только в том, что неудачи Гизо как политического деятеля дискредитировали его как мыслителя, но также в том, что после утверждения Республики и расцвета парламентской демократии во Франции его политическая философия рассматривалась либо как нежизнеспособная, либо как порочная. Негативное отношение к политической философии Гизо было связано и с общими оценками эпохи Реставрации и Июльской монархии как переходного этапа между войнами, революциями и империями, когда не было достигнуто важных позитивных результатов, а напротив, зрели причины для очередного революционного взрыва. Между тем именно в эти годы стали появляться наброски современных политических институтов Франции. Именно тогда были сформулированы поли-

¹ Знаменитые современники. Франсуа Гизо // Телескоп. 1834. Ч. 21. № 23–26. С. 463.

² Из работ, написанных в первой половине XIX в., отметим труды Шарля Пута, посвященные, прежде всего, ранним годам жизни Гизо, а из работ второй половины XX в. – труд английского историка Д. Джонсона, посвященный различным аспектам политической деятельности Гизо: *Pouhas Ch.-H. Guizot pendant la Restauration, par préparation de l'homme d'État*. Paris, 1923; *Pouhas Ch.-H. La jeunesse de Guizot (1787–1814)*. Paris, 1936; *Johnson D. Guizot. Aspects of Frenche History (1787–1874)*. London, 1963.

тические правила и традиции, пережившие режим Июльской монархии. Как отмечал видный французский исследователь Рене Ремой, «парламентаризм, который Франция практикует до сих пор, своими корнями уходит в конституционную монархию»³.

Возрождение научного интереса к изучению интеллектуального наследия Франсуа Гизо началось с работы видного французского историка Пьера Розанваллона «Момент Гизо»⁴, опубликованной в Париже в 1985 г. За год до этого Розанваллоном была издана «История цивилизации в Европе» с авторским предисловием и введением. Розанваллон справедливо отмечал, что почти в столетнем «карантине» оказался не только Гизо, но и многие другие философы и публицисты первой половины XIX в., в основном представители либеральной или либерально-консервативной политической мысли. По мнению историка, современный интерес к либерализму начала XIX века связан с определенным кризисом политической культуры, стремившейся «забыть Июль». Розанваллон справедливо рассматривает эпоху Реставрации и Июльской монархии как важный этап в процессе модернизации Франции, укрепления основ либерализма, ставшего доминирующей идеологией индустриального общества. Для него Гизо является неким проводником, изучая политическое наследие которого можно понять развитие либеральной политической культуры во Франции в XIX в.⁵ С именем П. Розанваллона связан отказ от традиционного противопоставления Гизо – либерального теоретика периода Реставрации и Гизо – консервативного практика Июльской монархии, а также отказ от тенденции фрагментировать деятельность Гизо как либерального оппозиционера, теоретика парламентаризма, реакционного министра, догматичного протестанта.

В 1987 г., к двухсотлетию со дня рождения Гизо, во Франции был создан фонд «Гизо – Валь-Рише» по названию нормандского поместья Гизо, где он провел многие годы своей жизни. Результатом работы конференции стал коллективный труд «Гизо и политическая культура его времени». В центре внимания специалистов, собравшихся в Валь-Рише, целое созвездие проблем: Гизо и Французская революция, его отношение к идеям Просвещения, история Английской революции, политическая философия Гизо, его внешняя политика, Гизо и религиозные проблемы того времени; последняя часть статей посвящена философии истории Гизо. Гизо – это историк, социолог и политик одновременно, для него характерна тесная связь мысли и действия. Поэтому в сборнике исследуются как взгляды, так и государственная деятельность Гизо. По словам Марины Валенсиз, автора введения, политика Гизо в сфере образования, его позиция по вопросу о реформе избирательного права, его внешнеполитическая деятельность являются примерами осуществления принципов доктринеров на практике. Как отмечал в предисловии к этому сборнику видный французский историк Д. Рише, Гизо, как и многие из его современников, совершил две карьеры одновременно: политическую и литературную, но неудача первой затмила блеск второй. После Революции 1848 г. в забвении оказался не только политолог эпохи Реставрации, но и крупный специалист по истории Франции и Англии⁶. По словам Рише, пришлось ждать конца XX столетия, чтобы Гизо стал восприниматься как один из значительных политических деятелей и глубоких политических мыслителей Франции XIX в. Как отметила М. Валенсиз, Гизо воплотил в себе рождение и гибель конституционной монархии – режима, пытавшегося покончить с эпохой революции и являющегося водоразделом между Империей и Второй Республикой. По словам исследовательницы, деятельность Гизо, одновременно научная и политическая, является попыткой примирить современную Францию с ее историей. Для Гизо исторические штудии и политические размышления являются двумя сторонами одной медали: основать режим представительного правления,

³ *Rémond R.* La vie politique en France. 1789–1848. Т. 1–2. Paris, 1965. P. 319.

⁴ *Rosanvallon P.* Le moment Guizot. Paris, 1985.

⁵ *Ibid.* P. 29.

⁶ *François Guizot et la Culture politique de son temps. Colloque de la Fondation Guizot – Val-Richer.* Paris, 1991. P. 7.

сочетавшего бы в себе идеи порядка и свободы. Гизо, побежденный как политик, надолго был забыт как историк, – делает вывод М. Валенсиз⁷.

С конца 1970-х началась «вторая волна» интереса к исторической и политической концепции Гизо (первая пришлась на конец XIX века). Историческая наука, по словам М. Валенсиз, начала освобождаться от «железного ошейника экономического и политического детерминизма», а Гизо перестал восприниматься как бесцветный представитель деловой буржуазии. Французы вновь открыли для себя философа, заложившего основы современной цивилизации, и политика, пытавшегося вывести страну из революционного тупика. Сама эпоха Реставрации и Июльской монархии перестала восприниматься просто как переходный этап между либерализмом Просвещения и демократией второй половины XIX в. В этом сложном периоде французской истории, по мнению М. Валенсиз, Гизо принадлежит особое место: он стоит у его истоков⁸.

В 1990 г. появилась работа известного французского историка, члена Французской академии и Академии нравственных и политических наук, специалиста в области политической истории Франции и непосредственно идеологии орлеанизма, Габриэля де Броя «Гизо»⁹. Г. де Брой – автор первой полной научной биографии Гизо, основанной на обширных архивных источниках. Историк справедливо отмечал: если историческим и политическим работам Гизо, которых насчитывается более шестидесяти томов, посвящен ряд работ, то его публичная и частная жизнь, необыкновенно богатая и насыщенная, не была предметом самостоятельного научного анализа. После открытия архивов Валь-Рише такая работа стала возможной. Автор использовал обширные архивные материалы: архивы членов семьи Шлюмбергер, потомков Гизо, опубликовавших его переписку с княгиней Д.Х. Ливен, объединенных в «Общество Валь-Рише»; архивы «La Maison de France»; королевские архивы Виндзорского замка (бумаги королевы Виктории); муниципальные архивы Тулузы; бумаги герцогов Виктора и Альберта де Броев.

Интеграционные процессы в Европе, активизировавшиеся в конце прошлого столетия, стали еще одной причиной обращения к интеллектуальному наследию Гизо, свидетельством чему является книга французского исследователя Пьера Триомфа «Европа Франсуа Гизо»¹⁰. По словам историка, «Европа, в которой борьба против коммунизма на протяжении полувека являлась скрепляющим фактором, после падения Берлинской стены оказалась в состоянии поиска новой идентичности. Этот поиск становится все более настоятельным в условиях постоянного расширения географических рамок Европы, когда в европейскую дверь стучатся страны Востока, Турция и некоторые страны Магриба». Исходя из этого, отмечает П. Триомф, европейские идеи Гизо заслуживают серьезного внимания: «Гизо был одним из первых в Европе и первым во Франции, попытавшимся осмыслить это единство, опираясь на исторические факторы». Более того, помимо европеизма Гизо, П. Триомф отмечает актуальность общеполитической, политической и исторической концепций Гизо: «Вернуться сегодня к наследию Гизо означает вернуться к целому ряду фундаментальных вопросов, волнующих людей сегодня. Это означает вновь открыть для себя синтетическую и мощную мысль, повлиявшую на многочисленных последующих мыслителей... Перечитывать сегодня Гизо, это значит просто испытать удовольствие, читая книги, написанные ярким и точным языком... Это значит, наконец, вновь окунуться в XIX век, к которому мы испытываем «тайную симпатию, основанную на глубоком с ним сходстве»¹¹.

⁷ Ibid. P. 11.

⁸ Ibid. P. 12.

⁹ *Broglié G. de Guizot*. Paris, 1985. См. также работу Г. де Броя по орлеанизму: *Broglié G.*

¹⁰ *L'Orléanisme. La ressource libérale de la France*. Paris, 1981, а также его новейшую работу по Июльской монархии: *Broglié G. de La Monarchie de Juillet. 1830–1848*. Paris, 2011. *Triomphe P. L'Europe de François Guizot*. Paris, 2002.

¹¹ Ibid. P. 84–85.

В 2008 г. во Франции была опубликована еще одна биография Гизо, вышедшая из-под пера известного историка, издателя и критика, почетного президента Общества истории французского протестантизма Лорана Теиса¹². Эта работа написана на стыке двух жанров: классической биографии и истории повседневности. Кроме политической и научной деятельности Гизо в центре пристального внимания автора – «ближний круг» Гизо: его семья, женщины, друзья; места обитания: Ним, Женева, Англия, Нормандия и Париж; ежедневный распорядок жизни Гизо. Из этой книги можно узнать массу подробностей о привычках, стиле жизни французского политика, его предпочтениях в питании и одежде, – все те подробности, которые превращают абстрактного и безжизненного «политического деятеля» в живого человека.

Что касается документального наследия самого Франсуа Гизо, то оно весьма обширно и разнопланово. Это и парламентские выступления Гизо, и его «Мемуары», исторические и публицистические работы. Однако, несмотря на обилие работ, изучение политического наследия Гизо представляет определенную сложность: Гизо не написал объемной работы, в которой систематизировал бы свои политические идеи и принципы. Если в области истории можно выделить три фундаментальных труда: «История цивилизации во Франции», «История цивилизации в Европе» и «История Английской революции», то в сфере политической философии работы подобного рода Гизо не создал. Его политические идеи были сформулированы им в многочисленных статьях, брошюрах, выступлениях перед избирателями и в парламентских речах. Выступления Гизо в верхней и нижней палатах парламента, произнесенные им с 1819 по 1848 гг., были опубликованы в 1863–1864 гг. под редакторским названием «Парламентская история Франции или собрание речей, произнесенных в палатах с 1819 по 1848 гг.»¹³.

В 1858–1867 гг. были опубликованы восьмитомные «Мемуары» Гизо, отражающие итоговые воззрения автора¹⁴. «Мемуары» Гизо являются ценнейшим источником по истории Франции, охватывая период с последних лет Первой империи и заканчивая февралем 1848 г., не включая непосредственно события Революции 1848 г. В центр авторского повествования и, соответственно, политической жизни Франции Гизо поместил себя. Он очень умело выходит из всех затруднительных положений, обставляя дело таким образом, будто его политика была единственно возможной и правильной в тех условиях. Все противоречия, существовавшие в обществе, Гизо сводил в основном к парламентской борьбе, противоборству между правительственной партией и оппозицией, при этом страна оставалась как бы в стороне, жила своей, изолированной жизнью. Мемуары содержат совсем немного данных по экономическим и социальным вопросам. Лишь в конце последнего тома Гизо поместил резюме об итогах развития Франции за годы Июльской монархии, приведя статистические данные различных министерств.

В основу написания этой книги легли переработанные и дополненные материалы моей кандидатской диссертации, опубликованные в виде монографии: «Франсуа Гизо: теория и практика французского умеренного либерализма», а также материалы докторской диссертации, увидевшие свет в виде книги: «Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики в годы Июльской монархии», а также статьи, опубликованные в различных изданиях¹⁵. В завершение хотела бы выразить искреннюю признательность тем, кто, так или иначе, оказывал мне содействие в работе над этой книгой. Прежде всего, это относится к главному редактору интернет-портала «Вече Санкт-Петербурга» Вячеславу Александровичу Кочнову, помогавшему мне в стилистической правке текста. Выражаю также благодарность кандидату исторических наук Светлане Юрьевне Рафалюк за идею публикации этой книги.

¹² *Theis L.* François Guizot. Paris, 2008.

¹³ *Guizot F.* L'Histoire parlementaire de la France. Т. 1–5. Paris, 1863–1864.

¹⁴ *Guizot F.* Mémoires pour servir a l'histoire de mon temps. V. 1–8. Paris, 1858–1867.

¹⁵ *Танышина Н.П.* Франсуа Гизо: Теория и практика французского умеренного либерализма. М., 2000; Ее же. Политическая борьба во Франции по вопросам политики в годы Июльской монархии. М., 2005.

Глава 1

Начало большого пути

Ним и Женева

Франсуа Пьер Гийом Гизо родился на юге Франции, в городе Ниме, 4 октября 1787 г. в протестантской семье, однако акт его рождения не был зарегистрирован, поскольку только в ноябре 1787 г. эдиктом Людовика XVI протестантам были возвращены их гражданские права. Лишь 13 мая следующего года родители Гизо, наконец, смогли официально зарегистрировать свой брак и рождение сына.

Отец Франсуа, Андре-Франсуа Гизо, был адвокатом, пользовавшимся большой популярностью в городе. Он обладал ярким ораторским талантом, и когда сын тоже стал знаменитым оратором, мать часто повторяла, что он унаследовал отцовский дар¹⁶. Мать Гизо, Софи-Элизабет Бонисель, была старшей дочерью из пятнадцати детей нимского стряпчего. Заботливая мать, эта очень красивая, веселая женщина была хорошей музыкантшей и превосходной танцовщицей¹⁷. Маленький Франсуа рос спокойным и ласковым ребенком, но не сохранил воспоминаний об этом счастливом периоде. Через два года после появления на свет Франсуа в семье родился второй сын – Жан-Жак, а во Франции началась Революция.

Очень скоро о событиях в Париже стало известно в Ниме. Семья Гизо, олицетворявшая «третье сословие», о котором аббат Сийес заявил, что именно оно «должно стать всем», приветствовала начавшуюся Революцию и активно включилась в политическую жизнь. Однако единодушные сторонники перемен очень быстро сменяется расколом, который самым непосредственным и трагичным образом прошелся по семье Гизо-Бонисель: Андре-Франсуа становится одним из лидеров партии жирондистов в Ниме, в то время как его тесть Бонисель, назначенный главным прокурором города, примыкает к якобинцам. Вслед за падением жирондистов в Париже в ходе восстания 31 мая – 2 июня 1793 г. аналогичные события происходят в Ниме. Андре-Франсуа Гизо, выступавший за умеренные действия, противившийся экстремизму и массовым репрессиям, в начале 1794 г. был арестован. Революционный суд был скор на расправу и уже 8 апреля того же года он вззошел на эшафот. При этом тесть ничего не предпринял ради спасения своего зятя и отца своих внуков. Франсуа было тогда шесть с половиной лет. Гизо смутно сохранил в своей памяти прощальный визит в тюрьму к отцу, но вот что он запомнил более отчетливо: известие о свержении «Неподкупного», лидера якобинцев Максимилиана Робеспьера: он помнил, как вместе с матерью и братом они выбежали на террасу дома и возблагодарили Бога за спасение Франции¹⁸.

Софи-Элизабет, оставшаяся одна с двумя маленькими детьми, очень тяжело переживала гибель мужа и предательство отца; на этой почве у нее случилось нервное расстройство, от которого она оправилась только через три года. Поскольку, по революционным предписаниям, родственники гильотинированных не имели права носить траура, весь период террора Софи-Элизабет провела в добровольном заточении, однако до самой своей смерти (31 марта 1848 г.) она носила на груди прощальное письмо мужа, написанное из тюрьмы.

¹⁶ *Witte H.* Monsieur Guizot dans sa famille et avec ses amis (1787–1874). Paris, 1881. P. 4. Автор книги, Генриетта Витт – дочь Ф. Гизо.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.* P. 6.

Детские страхи никогда не проходят бесследно. Конечно, Франсуа был еще совсем ребенком, но, несомненно, казнь отца повлияла на формирование его мировоззрения. В дальнейшем это трагическое событие неоднократно будет становиться предметом политических спекуляций противников Гизо, которые будут усматривать в казни его отца главное событие, повлиявшее на формирование характера историка и политика. Причем, повлиявшее сугубо негативно. На страницах русской публицистики в 1850-е в связи с этим развернулась самая настоящая полемика между либеральными журналами «Отечественные записки» и «Русский вестник». Так, в журнале «Отечественные записки», критиковавших Гизо как консервативного политика, отмечалось, что казнь отца, «это страшное зрелище глубоко запало в его душу и заронило в нее первые семена той глубокой ненависти и того презрения к человеческому роду, которое, скрываясь под наружно-холодными и беспристрастными манерами министра-консерватора, при каждом удобном случае невольно проявлялось наружу. Можно с достоверностью предположить, что и самый консерватизм Гизо зародился в нем под влиянием безумных кровавых сцен, ознаменовавших разгар французской революции. Сын, видевший позорную смерть любимого отца, должен был неминуемо сделаться противником людей и начал, отравивших его светлые, детские впечатления, и, при первой возможности, решительно стать во главе реакционеров, друзей “тишины” и “порядка”»¹⁹.

В противовес этому мнению на страницах «Русского вестника» излагалась более взвешенная позиция. Публицист этого издания отмечал: «Едва ли ненависть к людям могла поместиться в сердце семилетнего ребенка. Некоторые писатели видят в казни отца Гизо зародыш тогдашней ненависти последнего к народной анархии; это предположение весьма правдоподобно, но от отвращения к анархии до презрения ко всему роду человеческому расстояние неизмеримое»²⁰.

Как бы то ни было, глубокий и талантливый историк, Франсуа Гизо так и не напишет труда по истории Революции, разрушившей его семью и лишившую его отеческого внимания и заботы. В то же время саму Революцию он всегда считал важным этапом в развитии французской цивилизации, но выступал противником сопровождавших ее кровопролития и насилия, полагая, что необходимо отделить «зерна», то есть позитивные социально-политические завоевания революции: равенство всех граждан перед законом, ликвидацию сословных привилегий, конституционную форму правления, от «плевел»: анархии и деспотизма. Это отчетливо проявится и в ходе его многолетней политической деятельности: Гизо всегда будет стремиться проводить политику «золотой середины», политику умеренную и компромиссную.

В августе 1799 г. мадам Гизо с сыновьями покинула Ним и переехала в Женеву: настало время учебы. «Женева – это моя интеллектуальная колыбель», – так через шестьдесят лет вспоминал Гизо о времени, проведенном в этом городе²¹. Семья жила очень скромно, и расходы на обучение поглощали все сбережения Софи-Элизабет.

Сначала Франсуа обучался в гимназии, затем, в 1801 г., поступил в Женевскую академию, где продолжил получать среднее образование. Основными изучавшимися здесь дисциплинами были классическая античная литература, риторика, арифметика и геометрия. Специфика обучения состояла в том, что ученики сами выбирали темы для изучения, упражнения по степени сложности, имели право объединяться в литературные общества. Обычно образование в такой школе было принято дополнять обучением в частном пансионе, и мадам Гизо выбрала для своих сыновей один из лучших – пастора Дежу. Сама она обосновалась в маленьком домике напротив того, где жил преподаватель, занимавшийся воспитанием ее детей. Она полностью

¹⁹ Гизо и его Записки // Отечественные записки. 1858. Т. 118. № 5–6. С. 689.

²⁰ Литературные заметки (по поводу статьи о мемуарах Гизо, помещенных в № 6 «Отечественных записок» за 1858 г.). С. 344 // Русский вестник. 1858. Т. 15. Июнь. Кн. II.

²¹ Broglie G. Guizot. P. 18.

погрузилась в учебные дела своих сыновей, присутствовала на всех уроках, принимала участие во всех их работах, проверяла их домашние задания. Порой, холодными зимними вечерами, когда маленькие детские ручки замерзали, она писала под их диктовку домашнюю работу²².

Юный Франсуа изучал пять языков: латынь, греческий, итальянский, английский и немецкий. Он увлекался верховой ездой, плаванием, рисованием. Под влиянием идей Ж.-Ж. Руссо он приобщился к ручному труду и стал превосходным токарем²³.

В августе 1803 г. Гизо перевелся с филологического отделения на философское. «Только тогда я начал жить», – писал он впоследствии²⁴. За два года юноша открыл для себя радость активной интеллектуальной деятельности, которая с тех пор его не оставляла. Он сохранил свои ученические тетради, которые свидетельствовали о той жадности, с которой он предавался учебе. Курс включал в себя изучение алгебры, геометрии, химии и физики, но главными предметами были философия и мораль. В июне 1805 г. Франсуа получил диплом об окончании отделения.

Однако Софи-Элизабет мечтала о том, чтобы Франсуа, как и его отец, стал адвокатом, а между тем в Женеве не было юридического факультета. Мадам Гизо принимает решение вернуться во Францию, и тем же летом семья оказалась в Ниме.

²² *Witte H.* Op. cit. P. 11.

²³ *Broglie G.* Guizot. P. 18.

²⁴ *Ibid.* P. 20.

Париж. Полина де Мелан и начало карьеры

В родном, но наполненном печальными воспоминаниями Ниме, Франсуа задержался совсем недолго: уже в начале сентября он едет в Париж изучать право. Отказавшись жить со своим нимским другом, Ахиллом Донаном, он поселился недалеко от него, на улице Фобур-Сен-Оноре. Мать Гизо поручила своего сына бывшему компаньону своего мужа Шабо-Латуру, и особенно его сестре Мире, очаровательной 34-летней женщине, принявшей Франсуа как родного сына. Именно она познакомила молодого провинциала со столицей и ввела в парижское общество. В ноябре 1805 г. Гизо стал студентом Школы права. Каждое воскресенье здесь устраивались своеобразные стажировочные конференции, на которых ученики вели тяжбу с адвокатами. Именно здесь впервые проявилось ораторское дарование Гизо. Однако очень скоро юноша разочаровался в выбранной профессии, сдал в августе 1806 г. экзамены и покинул школу. Он активно занимается самообразованием, погружается в изучение латыни, греческого, английского и даже арабского языков, читает много исторических работ и романов. Скоро в его жизни происходят важные перемены: его покровительница Мира знакомит юного Гизо с бывшим министром наук и искусств Гельветической республики, представителем Швейцарии в Париже Стапфером. С 1803 г. он пребывал в отставке, его дом был открыт для протестантов и многочисленных литераторов. Здесь же Гизо встретил влиятельного постоянного секретаря второго класса Института, либерала, сторонника конституционной монархии, создателя газеты либеральной направленности «Публицист», Сюара. Сюар берет Гизо под свою протекцию.

Не имея средств для жизни и источников дохода, Гизо поступает домашним учителем и секретарем в семью Стапфера. Без поддержки этого человека Гизо очень сложно было бы войти в парижское общество; в многолюдном и шумном Париже юноша чувствовал себя очень одиноко. Со своей стороны, Стапфер проникся симпатией к своему новому секретарю; Франсуа импонировал ему своей уединенностью и серьезностью. Гизо давал по два урока в день сыновьям Стапфера, которые привязались к нему, и которых он тоже любил. Его считали старшим сыном в семье; он с неподдельным удовольствием участвовал в долгих разговорах, вкус к которым сохранил на всю жизнь. Стапфера, человека образованного и эрудированного, поражал природный ум Гизо, но в то же время он видел существенные пробелы в его знаниях. Поэтому он настоял на том, чтобы Франсуа возобновил классическое образование; от Стапфера же Гизо во многом перенял вкус к немецкой литературе.

Несмотря на заботу, окружавшую молодого человека в семье Стапфера, в течение первых двух лет пребывания в Париже самым близким для него другом оставалась его мать. Рано оставшись без отца, Франсуа всю свою долгую жизнь будет испытывать глубокую привязанность к матери, она всегда будет оставаться для него непререкаемым авторитетом, а после смерти двух его жен заменит мать его детям. Гизо был в постоянной переписке с матерью, отправляя письма дважды в день. Франсуа писал ей: «Если я не напишу тебе, то буду беспокойным и несчастным; ты – единственный человек, кому я без опасений открываю свою душу»²⁵. В Париж Софи-Элизабет переберется только в 1823 г.

Гизо влечет к литературной деятельности. Одно из своих первых произведений, поэму, он решает отправить знаменитому Ф.Р. де Шатобриану. Письмо отправляет анонимно, через гонца. Шатобриан ответил через того же посредника: «Я с крайним удовольствием прочитал поэму, которую неизвестный имел честь мне адресовать... Я покорен его размышлениями...»²⁶. Похвала такого человека должна была только вселить уверенность в начинающего литератора, тем более, что скоро ему представилась возможность проявить свои способности.

²⁵ Witte H. Op. cit. P. 14–15.

²⁶ Broglie G. Guizot. P. 25.

В марте 1807 г. на обеде у Стапфера из рассказа Сюара он узнал, что одна из сотрудниц газеты «Публицист», Полина де Мелан, заболела и какое-то время не могла работать. Гизо предложили подменить Полину и вести ее раздел. 31 марта 1807 г. на страницах «Публициста» появилась его первая статья, за которой последовали семнадцать других, в основном посвященные книгам и театру. Последняя статья была опубликована 6 мая, а через два дня Полина де Мелан приступила к своей хронике и захотела познакомиться со своим любезным заместителем.

В сентябре 1807 г. Гизо начал официально сотрудничать с «Публицистом». Он получил выгодный контракт – двести франков в месяц за написание восьми статей. К 1810 г. им было написано двести сорок восемь статей; почти все они были посвящены обзору новых книг, прежде всего иностранных. Помимо «Публициста» Гизо начинает сотрудничество и с другими изданиями: с «Литературными архивами Европы», «Меркурием»; Стапфер выбрал его в качестве корреспондента немецкоязычной газеты, издававшейся в Швейцарии. В 1809 г. он издает «Словарь синонимов».

Встреча с Полиной де Мелан стала определяющей не только в карьере начинающего публициста, но и в его личной жизни. Мелан работала в «Публицисте» с 1801 г., и ее блестящая репутация и поддержка явились драгоценными для Гизо. Постепенно связи между ними начинают укрепляться, они начинают переписываться не только на профессиональные темы. Трудно было найти людей более непохожих, чем они. Он – провинциал, выходец из семьи мелкого буржуа. Она происходила из знатного и богатого дворянского рода. Он – протестант, она – католичка. Он – замкнутый, она – общительная, любительница света и театра. Он – убежденный догматик и теоретик, она – прагматик. Наконец, их разделял возраст: Гизо был младше Полины на четырнадцать лет.

Можно согласиться с мнением Габриэля де Броя, что Гизо и Мелан соединила работа. Именно Полина первой обратила внимание Франсуа на его истинное призвание, которое, по ее мнению, заключалось не в журналистике, а в истории: «Вы всегда лучше говорите о событиях, чем о книгах. Ваш талант, как мне кажется, в высшей степени в области истории»²⁷.

В 1808 г. вместе они начинают переводить «Историю упадка и гибели Римской империи» знаменитого английского историка Эдуарда Гиббона. Эта грандиозная работа была окончена к 1811 г., когда были опубликованы тринадцать томов с комментариями Гизо и Мелан. Это была первая большая историческая работа Гизо. В этом же году он публикует и свою первую книгу: «О состоянии изящных искусств и о Салоне 1810 года», дополненную удачными авторскими рисунками.

В марте 1811 г. Гизо создает журнал «Анналы образования» – периодическое издание для родителей. 15 апреля появился его первый номер. Каждый выпуск журнала состоял из трех основных статей, рассказа, написанного Мелан или иногда Гизо, библиографии новых изданий, аннотаций учебников и в целом всего нового, связанного с вопросами образования. Журнал также содержал методические советы по изучению чтения, орфографии, рисунка, риторики, логики. Деятельность журнала была успешной, однако после падения Первой империи «Анналы» прекратили свое существование.

9 апреля состоялась свадьба Гизо и Мелан. Церемония была очень скромной, на ней не было ни одного из членов семьи Гизо; она была замечена только в литературных кругах Парижа. Человек, женившийся на немолодой, по тогдашним меркам, женщине, и сам выглядел не очень молодо: незадолго до свадьбы Франсуа перенес болезнь и потерял юношескую свежесть. Худой, с бледным, даже белым лицом; с черными волосами, вьющимися надо лбом; он часто носил тесный сюртук с высоким воротом и узкими плечами, что придавало ему некоторое сходство с горбуном, при том, что он обладал красивой фигурой – таков был двадца-

²⁷ Ibid. P. 31.

тичетырехлетний Франсуа. Современников привлекали две отличительные черты его внешности: расширенные, подвижные, живые глаза, незабываемый взгляд, одновременно глубокий и мягкий, пронизывающий и сверкающий, и голос, очаровывавший своей важностью и тембром. При этом Франсуа держался очень степенно и независимо; его совершенно нельзя было назвать «своим парнем». «Он имел вид ходячей идеи», – так скажет о нем его друг и коллега Шарль Ремюза²⁸.

Между тем женитьба Гизо на Полине Мелан стала предметом для многочисленных пересудов и сплетен. Разница в возрасте, тесные связи семьи Мелан с некоторыми влиятельными приверженцами династии Бурбонов, в частности, аббатом Монтестье, секретарем которого в министерство внутренних дел Гизо будет назначен в 1811 г., давали основания предполагать, что этот брак со стороны Гизо был «планом очень ловко рассчитанной атаки»²⁹.

Вряд ли подобные обвинения были обоснованы, хотя, действительно, Полина сыграла очень важную роль в становлении Гизо как журналиста и публициста и формировании его политической карьеры. Большинство современников сходились во мнении, что это был исключительно союз по любви, и что Гизо был счастлив в браке. В 1813 г. у супругов родился сын Франсуа, который прожил меньше двух месяцев. Спустя два года Полина снова родила сына, которого вновь назвали Франсуа. Он доживет до двадцати одного года.

В 1807 г., когда Гизо впервые вступил в политический мир, империя Наполеона была на вершине своего могущества. Как отмечал русский публицист, современник Гизо, казалось, «ни один голос не смел возвыситься против нее, не только с резким возражением, но даже с робким, косвенным намеком»³⁰. Однако если оппозиции не существовало в смысле прямого противодействия власти, то, как отмечал отечественный дореволюционный историк В. А. Бутенко, «она продолжала жить в форме враждебного настроения некоторых оппозиционных кружков, в форме «общественных салонов»³¹. Одним из таких центров оставался салон легендарной Жермены де Сталь. Дочь знаменитого банкира Неккера, изгнанная из Парижа и преследуемая Наполеоном, в своем швейцарском имении Коппе она создала литературно-политический кружок, центр средоточия либеральной мысли, который несколько раз посещал и Гизо. Другим таким центром, но более умеренной направленности, был салон графини Ремсфорд (вдовы Лавуазье). Завсегдатаями этого салона были и сотрудники «Публициста», в том числе Гизо и Мелан.

Много лет спустя, на страницах своих «Мемуаров», Гизо так отзывался об этом периоде своей жизни: «Я жил в оппозиции, но оппозиции, совсем не похожей на ту, которая росла и развивалась на наших глазах на протяжении последующих тридцати лет. То были развалины философского кружка и либеральной аристократии XVIII века, последние представители тех салонов, где обо всем свободно думалось и говорилось, где все подвергалось критике, где все обещали и на все надеялись, но не столько из честолюбия или эгоистических расчетов, сколько по живости и особым свойствам ума. Ужасы и неудачи революции не побудили оставшихся в живых свидетелей той эпохи отказаться ни от своих идей, ни от своих желаний; они остались искренними, либеральными, но без всяких претензий, как большая часть людей, которые много страдали и мало успели в своих начинаниях. Они ненавидели и живо порицали деспотизм, но не предпринимали ничего, чтобы укротить или ниспровергнуть его. Это была оппозиция просвещенных и независимых зрителей, не имевших ни желания, ни случая выйти на сцену и стать актерами»³².

²⁸ Ibid. P. 39.

²⁹ Гизо и его Записки. С. 693.

³⁰ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация // Русский вестник. 1858. Т. 15. № 5–6. С. 314.

³¹ Бутенко В.А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. 1814–1820. СПб., 1913. С. 80.

³² Guizot F. Mémoires pour servir à l'Histoire de mon temps. V. 1–8. P., 1858–1867. V. 1. P. 6.

Именно в это время Гизо пробует себя на политическом поприще: в 1811 г. он получил место мелкого чиновника в министерстве иностранных дел. Как и многие другие, он был уверен в прочности могущества Наполеона, о чем впоследствии писал в «Мемуарах»: «... что касается до самого повелителя, то оппозиция того общества, среди которого я находился, не могла иметь для него никакой практической и непосредственной важности. То была оппозиция мысли и разговоров, без прямой цели, без ожесточения, имевшая важность с точки зрения будущности, но не вступающая в современную политику, и готовая за недостатком свободы в жизни довольствоваться долго свободой мысли и выражений...»³³.

Тем временем в марте 1812 г. умер титулованный ученый кафедры истории на философском факультете, специалист по истории античности Левек. По выбору ректора Университета Фонтана его сменил на этой должности Лакретель, оставив вакантным место заместителя. По рекомендации Сюара, который характеризовал Гизо как «человека редких достоинств», которого он «бесконечно любит и уважает»³⁴, Гизо стал не заместителем Лакретеля, а возглавил специально под него созданную кафедру Новой истории: 25 июля кафедра истории была разделена на две части: кафедру Древней истории для Лакретеля и Новой истории для Гизо. Ректор Фонтан решился даже нарушить устав Университета, поскольку молодому профессору еще не было двадцати пяти лет.

Гизо не скрывал своих опасений, принимаясь за новое дело. Конечно, его многочисленные критические статьи, знание языков и литературы во многом подготовили его к преподавательской деятельности. Однако он брался за преподавание истории, не имея ни специального образования, ни хоть какого-нибудь опыта. 11 декабря 1812 г. состоялся его вступительный урок в «Коллеж дю Плесси» перед учениками Эколь нормаль и немногочисленной публикой. По традиции, на первом уроке лектор должен был произнести несколько приветственных слов в адрес императора Наполеона. Но молодой профессор проявляет характер: как и его друг, учитель и единомышленник, профессор философии Пьер Руайе-Коллар, он не желал смешивать политику с наукой. Несмотря на все увещания Фонтана, утверждавшего, что император обращает на это особое внимание, Гизо отказывается произнести приветственный адрес. «Делайте, что хотите, – сдался, наконец, ректор. – Если на вас пожалуются, мне придется отвечать: буду защищать себя и вас, как только могу»³⁵. Что касается Руайе-Коллара, то ему было тогда сорок девять лет. Парижский адвокат, сторонник конституционной монархии, он примкнул к Революции и был секретарем Парижской коммуны вплоть до восстания 10 августа, когда к власти пришли жирондисты. Депутат от Марны в Совете пятисот, он был исключен из него 18 фрюктидора, присоединился к роялистам и стал главой секретного бюро Людовика XVIII во Франции, находясь на этом посту до 1803 г. Гизо высоко ценил дружбу с этим человеком: «Он сделал очень многое для моей карьеры. Он действительно содействовал моему внутреннему развитию. Он открыл для меня перспективы и научил истинам, которые без его помощи я никогда не смог бы постичь»³⁶.

Лекции Гизо имели блестящий успех. Как отмечали современники, успеху сопутствовали внешний облик и манеры молодого профессора: «Его бледное выразительное лицо, его важный и серьезный вид, его звучный и мерный голос, пуританская простота костюма, чувство собственного достоинства, выражавшееся в каждом его движении – все это обаятельно действовало на молодежь, всегда готовую увлечься всякою, хоть чем-нибудь выдающимся, но резко и

³³ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 316–317.

³⁴ Broglie G. Guizot. P. 40.

³⁵ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 320.

³⁶ Broglie G. Guizot. P. 41.

эффектно выдающейся личностью»³⁷. Руайе-Коллар так отзывался об ораторском таланте своего друга: «То, что Гизо понял сегодня утром, кажется, он это знал вечно»³⁸.

Гизо отказался произнести приветственное слово в адрес императора не только потому, что не желал смешивать науку и политику. Несмотря на в целом высокую оценку личности Наполеона, он не мог восхищаться установленными им порядками. Он писал в «Мемуарах»: «С тех пор, как я принял сам участие в государственном управлении, я научился быть справедливым по отношению к императору Наполеону: в высшей степени могучий и деятельный гений, поражающий своей антипатией к анархии, своим глубоким административным инстинктом, своими энергичными и неутомимыми усилиями для воссоздания общественного остова. Но гений этот не поставил себе никаких пределов, не принимал ни от Бога, ни от людей никаких границ своим страстям и воле, и поэтому он был революционером, несмотря на то, что постоянно боролся с революцией; отлично понимая насущные потребности общества, он понимал несовершенно, можно даже сказать, грубо, нравственные потребности человеческой природы, и то давал им полное удовлетворение, то с неистовой гордостью презирал и оскорблял их»³⁹. В то же время Гизо полагал, что в эти годы Франция нуждалась именно в таком государственном деятеле, как Наполеон, поскольку никто лучше, чем он, не мог бы преодолеть состояние анархии в обществе. Однако никто, как Наполеон, «...не питался... такими химерами в отношении будущего; он обладал Францией и Европой, и Европа выгнала его даже из Франции; имя его останется более великим, чем его дела, потому что славнейшее из этих дел, его победы, совершенно и навсегда исчезли вместе с ним»⁴⁰. Больше всего в наполеоновском правлении Гизо поражали «надменность грубой силы и презрение права, избыток революции и отсутствие свободы»⁴¹.

³⁷ Гизо и его записки // Отечественные записки. 1858. Т. 119. № 7–8. С. 692.

³⁸ Delbez L. Les grands courants de la pensée politique française depuis le XIX siècle. Paris, 1970. P. 40.

³⁹ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 5.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Ibidem.

Первая Реставрация и Сто дней

Прошло два года после начала преподавательской деятельности Гизо, и современники увидели, что Империя оказалась Колоссом на глиняных ногах: могущественная держава Наполеона рухнула, во Франции была восстановлена монархия во главе со старшим братом казнённого короля Людовика XVI Людовиком XVIII. Для Гизо проблема выбора не стояла: он всецело оказался на стороне реставрированной монархии Бурбонов. Он писал в «Мемуарах», что всегда предпочитал «политику справедливости и свободу под сенью закона»⁴². В годы Империи, по его словам, он «потерял надежду на это, но рассчитывал вновь обрести ее в период Реставрации»⁴³.

Поэтому для него восстановление династии Бурбонов было «единственным серьезным решением»⁴⁴. Гизо надеялся, что с Реставрацией мир и свобода окончательно установятся во Франции: «Война не была для Бурбонов ни необходимостью, ни страстью; они могли царствовать, не прибегая всякий раз к новой демонстрации силы, к новому потрясению воображения народов. С восшествием на престол Бурбонов иностранные правительства могли поверить и, действительно, верили в искренний и длительный мир»⁴⁵.

По протекции Руайе-Коллара Гизо становится генеральным секретарем министра внутренних дел аббата Монтестье, которому в то время было пятьдесят семь лет, это был умный и обаятельный человек. В годы Революции он был депутатом от парижского духовенства в Генеральных штатах, а его двоюродный брат был депутатом от дворянства. В отличие от последнего, он не присоединился к третьему сословию и заседал справа. «Не доверяйте этой маленькой змее, она вас соблазнит», – так отзывался о нем маркиз Мирабо⁴⁶. После восстания 10 августа 1792 г., приведшего к власти жирондистов, Монтестье эмигрировал в Англию, находился при Людовике XVIII, с которым был тесно связан. Возвратившись в Париж после падения якобинской диктатуры, он стал личным эmissаром короля в роялистском комитете, одним из влиятельных членов которого был Руайе-Коллар. Наполеон отправил его обратно в Англию, но 1 апреля 1814 г. он вернулся и был назначен министром внутренних дел в правительстве Ш.-М. Талейрана⁴⁷. Это было первое министерство Реставрации, которое, как верно отмечал Г. де Брой, было, скорее, придворным советом, а не представительным правительством. Каждый министр был изолирован и работал напрямую с королем, которого занимали только личные вопросы и этикет. Министры хищно соперничали друг с другом. В этом министерстве Монтестье был единственным, кого окружали способные помощники.

Гизо приступил к работе в начале мая 1814 г., хотя приказ о его назначении был утвержден только 24 мая. И сразу же принял участие в самом главном на тот момент проекте: в подготовке конституционной Хартии. Кроме того, в должности секретаря министра внутренних дел Гизо принял непосредственное участие в разработке трех мер: представления, сделанного от имени короля палатам о внутреннем состоянии Франции; закона о свободе книгопечатания и реформы народного образования.

Гизо и года не прослужил в новой должности, как в стране грянули перемены: 26 февраля 1815 г. в восемь часов вечера Наполеон с 1100 солдат старой гвардии и корсиканского бата-

⁴² Ibid. P. 27.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibid. P. 30.

⁴⁵ Ibid. P. 31.

⁴⁶ Broglie G. Guizot. P. 46.

⁴⁷ Ibid. P. 46.

льона сели на корабли. 20 марта утром он прибыл в Фонтенбло, а в девять часов вечера водворился в Тюильри. Так началась последняя авантюра поверженного императора – «Сто дней».

Несмотря на двойственное отношение к наполеоновскому режиму, Гизо демонстрирует свою лояльность императору и тут же принимает Дополнительный акт. Это не помогло, и он был отправлен в отставку. В официальном издании «*Le Moniteur universel*» от 11 мая 1815 г. появилась статья, в которой, помимо прочего, сообщалось о его отставке, несмотря на подписание Дополнительного акта⁴⁸. Гизо, не называя статью клеветой, утверждал, будто бы в ней речь шла вовсе не о Пьере Франсуа-Гийоме Гизо, а о некоем Жан-Жакке Гизо, который в то время также был сотрудником в министерстве внутренних дел⁴⁹. Темная и не очень красивая история, в которой еще предстоит разобраться.

Возвращение Наполеона поставило либеральную оппозицию в непростое положение: до 20 марта Наполеон был узурпатором, покушавшимся на конституционный порядок, и приверженцы политической свободы оставались верны своим идеалам, содействуя борьбе Бурбонов против него. Но после 20 марта Наполеон стал законным французским монархом, признанным всей страной. Бурбоны вновь оказались за границей; европейские державы отказались от каких бы то ни было контактов с Наполеоном. Либералы были убеждены, что их политические планы могли быть осуществлены только с династией Бурбонов. Гизо и его единомышленники – П. Руайе-Коллар и П. Барант были отправлены в отставку. Первое время они занимали позицию молчаливой оппозиции, но вскоре приходят к выводу, что режим Наполеона крайне непрочен, и в скором будущем Францию ожидает вторичная Реставрация. Поэтому они сочли своим долгом содействовать тому, чтобы вторая Реставрация не была бы простым повторением опыта и ошибок первой. Либералы знали, что король, бежавший в Гент, на территорию Бельгии, находился в окружении почти исключительно представителей крайних роялистов во главе с Блакасом. Они опасались, как бы Людовик XVIII, раздраженный своим изгнанием, по возвращении во Францию не стал бы проводить политику в духе реакции⁵⁰. Руайе-Коллар при содействии Пакье и некоторых других умеренных роялистов установил постоянные связи с двором Бурбонов в Генте. К Людовику XVIII ежедневно отправлялся особый курьер с подробным отчетом о положении дел. В конце мая, когда положение стало особо критическим, в Гент было решено отправить Гизо со специальным поручением: противодействовать влиянию реакционеров при дворе и склонять короля на путь умеренно-либеральной политики. Впоследствии эта поездка Гизо в Гент станет одним из излюбленных предметов для нападок на него со стороны политических противников. «Бегство в Гент» – именно так будет ими именоваться этот визит, а сам Гизо будет обвиняться в предательстве и измене национальным интересам Франции. Как только против Гизо поднималась волна критики по какому-либо вопросу, кто-нибудь из его оппонентов обязательно припоминал «бегство в Гент». Гизо был вынужден защищаться. Тридцать лет спустя, будучи министром иностранных дел Июльской монархии, на заседании палаты депутатов 26 января 1844 г., в ответ на очередные обвинения своих противников в измене, он заявил, что он поехал в Гент, «чтобы привезти советы Людовику XVIII... советы конституционных роялистов, которые предвидели его возвращение во Францию...» и которым было не все равно, «возвратится ли он под знаменем Хартии или под знаменем контрреволюции»⁵¹. Гизо особо подчеркивал, что он руководствовался тогда главной и единственной политиче-

⁴⁸ В статье сообщалось: «Господин министр внутренних дел произвел некоторые перемены в сфере своего управления; но сколь ложно мнение, что на меру эту имел будто бы влияние отказ некоторых лиц в принятии Дополнительного акта. Это можно видеть уже из того, что многие из чиновников, подписавших акт, а именно г-н Гизо, получили отставку, между тем как другие, которым совесть не позволяла подобного поступка, остались на своих местах». См.: Гизо и его записки // Отечественные записки. 1858. Т. 119. С. 199.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Бутенко В.А. Указ соч. С. 174.

⁵¹ *Le Moniteur universel*. 1844. 27 janvier.

ской задачей: служить конституционной монархии. «Желание видеть ее реализованной в моей стране, желание помогать, содействовать своим слабым участием созданию этого прекрасного и великого правительства – это было моей единственной политической мыслью», – заявил он⁵².

Либералы были готовы всеми средствами содействовать вторичной Реставрации Бурбонов. Как отмечал русский публицист Е. М. Феоктистов, «даже завоевание, которое считалось одним из страшных бедствий, и особенно страшным во Франции, с ее воинственными привычками, с ее воспоминаниями о прежних подвигах и преклонением перед славой, казалось им не очень опасным злом, если бы только можно было этой ценой низвергнуть ненавистное им правительство»⁵³. Гизо впоследствии писал в своих «Мемуарах»: «Было бы безрассудно и несправедливо нападать на реставрацию за присутствие во Франции чужеземцев, которые явились в ее среду как следствие безумного честолюбия Наполеона и могли быть удалены только Бурбонами»⁵⁴. В 1844 г., на упоминавшемся заседании Палаты депутатов, представители левой оппозиции упрекали Гизо в том, что, по его мнению, для Франции лучше «Ватерлоо и предательство». Так, республиканец Ледрю-Роллен заявил, что слова Гизо – «это язык предателя и англичанина!», а его единомышленник Гарнье-Пажес обвинил министра в отсутствии национального чувства и патриотизма⁵⁵. Французский историк и политический деятель времен Третьей республики Жюль Симон справедливо отмечал, что в то время, как либералы видели, что режим Наполеона непрочен и обращали свои взоры к Людовику XVIII, в широких слоях населения преобладало великое чувство: «Родина превыше всего!». Гизо же и его коллеги не видели большей услуги для Франции, чем обеспечить ей легитимность и свободу посредством восстановления династии Бурбонов⁵⁶.

Гизо так объяснял, что выбор пал именно на него: «Я был и моложе, и независимее всех в нашем небольшом кружке. Выбор пал на меня для исполнения этого не совсем приятного поручения, и я согласился, не колеблясь. Но я счел бы для себя стыдом, если бы страх ответственности или соображения о будущем принудили меня отказаться от того, что я полагал необходимым исполнить для блага своего Отечества»⁵⁷.

Гизо пробыл в Генте до окончания Ста дней. Установление режима второй Реставрации и восстановление власти Людовика XVIII ознаменовали начало следующей страницы в жизни и деятельности Франсуа Гизо, неразрывно связанной с историей развития умеренно-либеральных идей и их последовательного воплощения на практике.

⁵² Ibidem.

⁵³ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 336.

⁵⁴ Там же. С. 337.

⁵⁵ Le Moniteur universel. 1844. 27 janvier.

⁵⁶ Simon J. Thiers, Guizot, Rémusat. Paris, 1885. P. 238.

⁵⁷ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 338.

Вторая Реставрация и доктринеры. «История происхождения представительного правления»

Влияние союзников, безусловно, стесняло Бурбонов, не позволяя выходить за рамки Хартии. В этом смысле первая Реставрация была достаточно либеральной. После Ста дней и окончательного поражения Наполеона в июне 1815 г. положение изменилось. Вторая Реставрация началась с белого террора над бонапартистами и теми, кто поддержал возвращение Наполеона, а заодно и над активными участниками революции. Около 70 тысяч человек подверглись репрессиям – были казнены, осуждены или высланы за пределы Франции.

После подписания Второго парижского трактата 20 ноября 1815 г. во Франции было сформировано министерство, главой которого по предложению императора Александра I стал герцог А.-Э. Ришелье, эмигрировавший из Франции в годы Революции, получивший от императора Павла I пост наместника в Новороссии и генерал-губернатора Крыма. Острый на язык Талейран язвительно заметил, что Ришелье получил свой пост исключительно за то, что «лучше всех во Франции знает Крым». Конечно, это не было единственной заслугой «дюка», как его называли в Одессе. Министерство Ришелье находилось у власти с конца сентября 1815 до 29 декабря 1818 г.

После Ста дней Палаты были распущены. Новые выборы, происходившие в обстановке растерянности и подавленности избирателей, почти везде принесли успех крайним роялистам. Как справедливо отмечала отечественная исследовательница Е. В. Киселева, неистовая кампания ультра против кабинета Ришелье осенью 1815 г., который стремился создать условия для сближения противников и сторонников восстановления Старого порядка, ставила под угрозу достижение успокоения страны в рамках конституционной монархии. В это время правительство получило поддержку со стороны умеренного крыла либералов, конституционалистов-роялистов, или доктринеров, которые взяли под свою защиту принципы, гарантированные Хартией. После крушения режима Наполеона именно конституционалисты-роялисты смогли наиболее полно выразить надежду части французского общества на возможность сочетания монархии Бурбонов со свободой, необходимой для обеспечения прав человека⁵⁸. Одним из лидеров этой немногочисленной группы либералов, получившей название доктринеров, стал Гизо.

Его карьера после Ста дней развивалась успешно. Он перешел в министерство юстиции и вскоре был назначен членом Государственного совета и директором департаментского управления. Несмотря на то, что Гизо в это время еще не был членом Палаты депутатов, занимая до 1820 г. пост в Государственном совете, он подчеркивал: «Монархическо-конституционная партия, образовавшаяся в 1815 г., стала сразу же и моей»⁵⁹.

Конечно, группу доктринеров сложно было назвать политической партией в современном значении этого слова; они были очень малочисленными и не старались обрести новых приверженцев: «Их четверо, но они начинают хвалиться, что их только трое, когда им кажется, что нет в мире четырех голов такой силы; и тотчас же они претендуют, что их пятеро, когда они хотят напугать врагов своей численностью», – справедливо отмечал французский исследователь Д. Бажж⁶⁰. Гизо называли «диванным Монтескье», отдавая дань его интеллекту, и в то же время, подчеркивая малочисленность группы. Кроме него, «мозговой центр» группы

⁵⁸ Киселева Е.В. Либералы «конституционалисты» в эпоху Реставрации во Франции. 1814–1830 гг. // Европейский либерализм в новое время. Теория и практика. М., Институт всеобщей истории РАН. 1995. С. 156.

⁵⁹ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 115.

⁶⁰ Bagge D. Les Idées politiques en France sous la Restauration. Paris, 1952. P. 99.

составляли П. Руайе-Коллар, П. де Барант, Ш. Ремюза, Л.-В. де Брой, К. Жордан, Серр, Беньо. Впрочем, они же являлись и основными действующими лицами группы доктринеров.

Группа доктринеров, отмечал Гизо, образовалась быстро, спонтанно, без предварительно составленного плана, с одной единственной целью: «поддержать Реставрацию, не переставая бороться с реакцией – в этом поначалу состояла вся ее политика»⁶¹. По его словам, по своим целям и составу эта либеральная группировка не имела какого-либо системного характера. Среди ее лидеров «были люди разного положения в обществе, разного происхождения, пришедшие со всех концов политического и социального горизонта»⁶². Гизо писал: «Схожесть суждений и чувств о современных событиях и о завтрашнем дне, о законных правах и интересах страны, вдруг сблизили людей, до сих пор бывших такими разными. Они объединились как жители одного квартала, пришедшие с разных концов, и, не зная и не видя раньше друг друга, вместе работали, чтобы потушить великий пожар»⁶³.

Действительно, процесс формирования политических партий во Франции был весьма длительным и специфичным. Долгое время здесь не было партий английского или американского образца, строго организованных и располагающих четкими программами. Политические партии в современном смысле появились во Франции только в последние годы XIX века. В годы Реставрации и Июльской монархии под партиями понимали группы людей, сблизившихся на основе схожего понимания определенных вопросов, внутри которых не было партийной дисциплины. Это в полной мере относится и к либеральным группировкам. Французский либерализм первой половины XIX века оставался скорее политическим течением, чем партией. Он существовал в виде конгломерата слабо связанных между собой влиятельных личностей, общественно-литературных кружков и салонов, либеральных газет и журналов.

Кружок доктринеров состоял из лиц, обращавших на себя внимание своими выдающимися талантами и своим солидным образованием. Главную роль сначала в нем играл Руайе-Коллар, выдвинувшийся в качестве лидера нового умственного течения еще в конце эпохи Империи и занимавший кафедру философии в Сорбонне. Близкий друг Руайе-Коллара, Камил Жордан, а также Серр были талантливыми политическими ораторами. Беньо был известен своим административным опытом и литературным талантом. Герцог де Брой отлично знал английское право и специализировался по самым разнообразным вопросам законодательства. Барон Проспер де Барант одинаково успешно преуспел как на государственной службе, так и на литературном поприще. Гизо соединял в себе черты выдающегося ученого, талантливого преподавателя и энергичного администратора. Доктринеров объединяло отрицательное отношение к экстремизму и насилию в годы Революции. Старшие представители кружка (Руайе-Коллар, Жордан, Беньо, Серр) сами подверглись преследованиям за свои умеренные взгляды во время якобинского террора. Младшие представители (Гизо, Брой) потеряли своих отцов на гильотине. В годы Империи все они, кроме Камилла Жордана, занимали государственные должности: Руайе-Коллар служил в ведомстве народного просвещения, Серр был председателем суда в Гамбурге, Беньо являлся префектом, затем министром в королевстве Вестфальском, Проспер де Барант также занимал должность префекта⁶⁴.

Почему группа получила название «доктринеров»? Существует несколько версий происхождения этого термина. По мнению В.А. Бутенко, он вошел в обиход практически одновременно с окончательным оформлением кружка, так как и де Брой, и Пакье свидетельствуют, что в 1817 г. они еще не имели этого названия. Газета «Французская Минерва», орган группы «независимых», то есть либералов левого толка (лидерами «независимых» были Б. Констан,

⁶¹ *Guizot F. Mémoires...* Y. 1. P. 115.

⁶² *Guizot F. Mémoires...* V. 1. P. 115.

⁶³ *Ibidem.*

⁶⁴ *Бутенко В.А. Указ. соч. С. 326.*

Ж. Лаффит, Ж.-М. де Лафайет), объясняла происхождение названия следующим образом: члены кружка считали необходимым для каждого правильного государства признание некоторых принципов или доктрин. В соответствии с другой версией, название «доктринеры» случайно вырвалось из уст одного роялистского депутата во время парламентских дебатов. Один из биографов Гизо, особенно недоброжелательный к нему лично, и к доктринерам вообще, так объяснял происхождение этого слова. Однажды старый экзекутор Палаты депутатов сказал: «Вы видите перед собой творца этого слова. Да, «доктринер» – это не что иное, как прозвище, которое я дал когда-то Руайе-Коллару. Слово «доктрина» просто не сходило у него с языка: “Не верьте их пагубным доктринам! Какие гнусные доктрины!” и т. д. Когда он, бывало, наговорится вдоволь о чуждых доктринах, тотчас же примется проповедовать свои собственные. Однажды я не вытерпел и сказал одному из моих товарищей: «Он все еще не кончил доктринерствовать? Экой мерзкий доктринер!»⁶⁵. Политический деятель тех лет Дювержье де Горанн утверждал, что

Руайе-Коллар получил прозвище «доктринера» еще в 1816 г., и этот термин впоследствии распространился на всю группу его единомышленников. В любом случае, участники этого течения получили наименование «доктринеров» за пристрастие к наукообразной форме изложения своих речей.

Что касается доктрины, то, по мнению ряда исследователей, у них как раз не было неизменной доктрины, и в политической жизни они были оппортунистами. Например, французский исследователь Жан-Жак Шевалье полагает, что доктрина конституционных роялистов заключалась как раз в том, в том, чтобы не иметь никакой доктрины. Единственный принцип, который они признавали – это не признавать никакого принципа. Доктринеры полагали, что нет худшего рабства, чем не иметь возможности выбора. По мнению другого французского историка, Д. Бажж, доктринеры не имели и не создали собственной школы, как не имели и руководителя⁶⁶. Исторически они были оппортунистами и стремились к достижению власти; в политическом плане для них была характерна идея равновесия властей в условиях свободы; в социальном – идея господства «среднего класса» как стержня нации⁶⁷.

Тем не менее постоянная склонность, особенно Руайе-Коллара и Гизо, разбирать каждый вопрос с отвлеченно-философской точки зрения, ставить его непременно на принципиальную почву и высказывать свое заключение догматично авторитарным тоном делает название «доктринеры» очень подходящим для них⁶⁸.

Доктринеры представляли наиболее умеренное направление французского либерализма. Французский исследователь Анри Туесе назвал их «авторитарными либералами», защищавшими принципы твердой власти⁶⁹, а современный отечественный исследователь Е. В. Киселева, также подчеркивая умеренный характер политических воззрений доктринеров, называет их программой «либерально-консервативной»⁷⁰.

Своей основной задачей они считали примирение старой и новой Франции, поиск эффективного синтеза идей конституционализма и роялизма. Программным документом доктринеров в известной мере можно считать работу Гизо «О представительном правлении и о современном состоянии Франции», написанную им в 1816 г. Гизо так писал о целях и задачах группы доктринеров в своих «Мемуарах»: «Для борьбы с роялистской партией и из самых недр ее образовалась вскоре оппозиция, умевшая быть одновременно и монархической, и народной,

⁶⁵ Гизо и его записки // Отечественные записки. 1858. Т. 119. 550–551.

⁶⁶ *Bagge D.* Op. cit. P. 99.

⁶⁷ *Ibid.* P. 100.

⁶⁸ *Бутенко В.А.* Уиз. соч. С. 325–326.

⁶⁹ *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века. Изд. второе. Т. 3. М., 1938. С. 93.

⁷⁰ Франция в период реставрации Бурбонов. Июльская революция 1830 года // История Европы. Т. 5. М., 2000. С. 195.

ибо она защищала от нападок роялистской партии престол, оскорбляя его одновременно своей смелостью, и страну, которую она сильно тревожила. Эта оппозиция, после долгой и упорной борьбы, опираясь на королевскую власть и симпатии в обществе, мало-помалу приобретала большинство в палате и становилась опорой правительства»⁷¹.

Доктринеры имели свои периодические органы: «Философские, политические и литературные архивы», «Глоб», «Ревю франсез». Они пытались на страницах этих журналов дать критический анализ принципов философии просвещения и создать новую научную и политическую теорию.

Конституционная Хартия 1814 г. являлась для доктринеров и Гизо залогом стабильности и прочности новой французской государственности. Гизо и Руайе-Коллар приняли непосредственное участие в разработке основных положений Хартии. По их замыслу, она должна была явиться оплотом против возвращения к Старому порядку и гарантировать правильное функционирование институтов конституционной монархии. Опасаясь возможного повторения социальных катаклизмов, которые только что пережила Франция, доктринеры выступали за умеренный, компромиссный характер нового законодательного акта. Они очень высоко оценивали значение Хартии для дальнейшего развития Франции. Так, по мнению Руайе-Коллара, Хартия явилась лучшей страницей французской истории, сочетая в себе принципы легитимности и свободы⁷².

Смысл Хартии и установленного ею порядка подробно разбирался на страницах полупериодического журнала доктринеров «Философские, политические и литературные архивы», который стал появляться с середины 1817 г., раз в два-три месяца. Наиболее активное участие в работе этого издания принимал Гизо, отмечавший без ложной скромности, что он был «душой всего предприятия»⁷³.

Во многом под влиянием идей Ш.-Л. Монтескье, доктринеры были сторонниками английских порядков, английской конституционной системы. Очень часто их обвиняли в слепом подражании английской политической системе, в том, что они пытались перенести ее на неподготовленную французскую почву. Так, русский публицист Е. М. Феокистов писал, что «внимательное изучение английской истории, вместо того, чтобы показать им разницу между этой страной и их собственным отечеством, воспитало в них, напротив, мысли о поразительном их сходстве в политическом отношении. Они видели, как в XVII веке английское государство было потрясаемо целым рядом переворотов, результатом которых было не уничтожение какого-либо из государственных элементов, а напротив, примирение между ними посредством взаимных уступок, определения взаимных их прав и окончательного торжества конституции»⁷⁴. Гизо писал: «В Англии... аристократические и демократические классы долго боролись за власть, но вследствие удачного взаимодействия и благоразумия они смогли договориться и объединиться... В этом политическом согласии различных классов, в гармонии их взаимных прав и взаимовлияния, Англия обрела внутренний мир, величие, стабильность и свободу»⁷⁵.

Поэтому конституционный порядок во Франции, по мнению Гизо, мог утвердиться на тех же основах, что и в Великобритании, с той лишь разницей, что главная роль при новом государственном устройстве отводилась не аристократии, как в Англии, а среднему классу, то есть буржуазии. Сама же идея о гармоничном взаимодействии буржуазии, дворянства и духовенства – это сущность концепции доктринеров и самого Гизо. Он писал: «Что касается меня,

⁷¹ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 115.

⁷² Бутенко В.А. Указ. соч. С. 335.

⁷³ Guizot F. Mémoires... V.1. P. 199.

⁷⁴ Феокистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 323–324.

⁷⁵ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 111.

я всегда был исполнен глубокого уважения к событиям и именам, прославленным в нашей истории, но, несмотря на приверженность свою к новым нравам, когда Людовик XVIII вступил во Францию с Хартией в руках, я не считал ни позором, ни унижением для себя пользоваться этими правами и защищать их, под владичеством старинной династии и в общей среде всех французов, знатных и незначительных... Уже в то время, хотя может быть, и не совсем ясно, я сознавал, что необходимо содействие всех просвещенных и независимых сословий, и старых, и новых, для спасения нашего отечества от попеременного деспотизма или анархии, что без этого мы никогда не будем пользоваться вместе и свободой, и порядком»⁷⁶.

На обвинения в том, что он слепо копирует английскую модель, Гизо отвечал, что в первые годы Реставрации Англия его несколько не интересовала, он тогда еще серьезно не занимался ни ее политическими институтами, ни ее историей: «Я жил среди общества, насквозь французского, очень сильно пропитанного настоящим французским духом»⁷⁷.

Аналогичные идеи развивал и Руайе-Коллар, утверждавший, что правительство, созданное во Франции на основе конституционной Хартии, не было парламентским по английскому образцу: «В Англии инициатива сосредоточена в палате общин... у нас это право целиком в руках короля, который управляет независимо от палат»⁷⁸. Отмечая различия исторического развития Франции и Великобритании, он подчеркивал: «Если вы хотите учредить английское правительство на основе нашей французской Хартии, дайте нам английское устройство, нравственное и физическое, сделайте так, чтобы история Англии была нашей!..»⁷⁹

В октябре 1816 г. Людовик XVIII решился распустить «бесподобную палату» с преобладающим влиянием ультрароялистов и взял более либеральный курс. С этого времени и вплоть до 1820 г. доктринеры были в тесном контакте с правительством и последовательно поддерживали министерства Ришелье, Дессоля и Деказа. Но, как верно отмечал В. А. Бутенко, их нельзя было назвать ни правящей, ни правительственной партией. Доктринеры всегда оставались независимыми сотрудниками, готовыми поддержать правительство только в том случае, если его политика будет соответствовать их собственной⁸⁰.

До 1817 г. доктринеры не примыкали ни к одной политической организации, и ограничивались участием в парламентских обсуждениях без всякого предварительного соглашения со своими политическими единомышленниками. Во многом это было связано с замкнутым характером группы, что вызывало недовольство даже тех, кто был близок к ним по своим политическим взглядам. Роялисты, для которых доктринеры предполагали сохранить часть их прав, относились к ним враждебно, поскольку они не хотели мириться с новым общественным устройством, а доктринеры, несмотря на свою умеренность, казались им людьми, зараженными новыми опасными идеями. Группа «независимых» также относилась к ним враждебно, по причине того, что доктринеры не отказывались от дореволюционной французской истории и пытались примирить старое и новое общество. Только после раскола министерского центра, к концу 1818 г. доктринеры были в постоянном контакте с представителями левого центра и фактически стали лидерами этого течения⁸¹. Сам же Гизо уверял в «Мемуарах», будто доктринеры пользовались уважением как справа, так и слева именно за их умеренную позицию.

Программа конкретных политических действий, предлагаемых доктринерами, также была весьма умеренной и сводилась к следующему: они выступали за издание избирательного закона, который передавал бы руководящую роль на выборах представителям «среднего

⁷⁶ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 325–326.

⁷⁷ Guizot F. Mémoires... V. 1. P. 111.

⁷⁸ Lavergne L. Royer-Collard, orateur et politique // Revue des Deux Mondes. Т. 35. Sept.-oct. 1861. P. 572.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Бутенко В.А. Указ. соч. С. 363.

⁸¹ Там же. С. 356.

класса»; реорганизацию армии на демократической основе; свободу печати, обещанной Хартией; преобразование суда присяжных с тем, чтобы ему была предоставлена большая независимость; введение в департаментах местного самоуправления, в целях смягчения чрезмерной централизации, установленной Наполеоном. Доктринеры считали, что эту программу преобразований должно осуществить правительство, а они будут его поддерживать до тех пор, пока оно будет следовать намеченному пути.

Главное достижение, реализованное доктринерами в это время – это принятие избирательного закона. Реформирование избирательной системы являлось одним из сложнейших вопросов, стоявшим перед правительствами Реставрации. Дело в том, что Конституционная Хартия 1814 г. установила высокий имущественный и возрастной ценз: избирательным правом обладали французы, достигшие тридцати лет и платящие не менее трехсот франков прямых налогов в год. Для того чтобы быть избранным в палату депутатов, необходимо было достичь сорока лет и платить не менее тысячи франков прямых налогов в год. В результате такой системы избирательное право получал очень ограниченный круг граждан, но само наличие выборного органа власти в бывшей абсолютной монархии означало установление представительной формы правления. В то же время система, установленная Хартией, была очень непрочной, и уже в 1815–1816 гг. во время деятельности «бесподобной палаты» развернулась острая борьба за реформу избирательного права, установленного Хартией. Правительство, возглавляемое Ш.-М. Талейраном (6 июля – 24 сентября 1815 г.), в своем проекте пыталось уменьшить число избирателей и обеспечить преобладающее влияние правительства в избирательных коллегиях; крайние роялисты требовали понижения избирательного ценза с 300 до 50 франков, что увеличило бы число избирателей до двух миллионов человек. Доктринеры поддерживали проект министерства, поскольку в условиях господства ультрароялистов они выступали за сильную королевскую власть, отводя палате депутатов только чисто совещательную роль. Однако этот законопроект не был реализован, поскольку ордонансом от 5 сентября 1816 г. «бесподобная палата» была распущена⁸².

После 5 сентября 1816 г. обновленный кабинет герцога Ришелье (министерство 24 сентября 1815 – 29 декабря 1818 г.) вернулся к обсуждению законопроекта о реформе избирательного права, в основу которого был положен законопроект, предложенный Руайе-Колларом. Он настаивал на предоставлении избирательного права всем лицам, соответствующим имущественному цензу и на признании прямых, а не двухстепенных выборов. В обсуждении законопроекта принимали участие Руайе-Коллар, Гизо, Барант. Под влиянием Руайе-Коллара было установлено, что выборы будут происходить только в главных городах департаментов. Это создавало благоприятное положение для городского населения и соответствовало желанию доктринеров передать руководящую роль на выборах представителям «среднего класса». По окончании обсуждения Гизо по поручению министра внутренних дел Лэне подготовил для него речь, которую тот должен был произнести в палате при внесении законопроекта, а сам опубликовал в «*Le Moniteur universel*» несколько статей в качестве комментариев к новому закону. К сожалению, авторство Гизо установить очень сложно, поскольку в то время статьи были анонимными. При обсуждении законопроекта в Палате депутатов именно доктринеры защищали его от нападков ультрароялистов.

Законопроект был принят ста тридцатью двумя голосами против ста в Палате депутатов, и большинством в 17 голосов в Палате пэров, и вошел в историю как закон 5 января 1817 г. Избирательное право получали французы, достигшие тридцати лет и платившие триста франков прямых налогов в год. Право быть избранными получали французы, достигшие сорока лет и платившие тысячу франков прямых налогов. Закон вводил прямую подачу голосов в глав-

⁸² Лависс Э., Рамбо А. Указ. соч. Т. 3. С. 101.

ном городе каждого департамента. Ежегодно обновлялась одна пятая палаты депутатов. Таким образом, избирательное право получали 90 тыс. человек⁸³.

Гизо высоко оценивал значение этого закона: «Если избирательная система 1817 г. погибла в бурях 1848 г., все-таки страна была обязана ей тридцатью годами свободного и спокойного правительства, которое было одновременно сильным и в то же время под серьезным контролем, и за весь этот период среди господства различных партий и революционных потрясений, этой системы было достаточно для сохранения мира, для общественного процветания, для уважения всех законных прав». Он отмечал, что основная задача этого закона заключалась в том, чтобы «...положить конец революционной эпохе и утвердить конституционный порядок»⁸⁴. Как и Руайе-Коллар, Гизо полагал, что введение в то время всеобщего избирательного права было бы крайне опасным для общественной стабильности: «В то время всеобщее избирательное право было еще во Франции только орудием разрушения или обольщения: разрушения, когда оно предоставляло всю политическую власть в руки толпы, обольщения, когда оно использовалось для уничтожения политической свободы в пользу неограниченной власти, сохраняя только видимость права и призрачное участие народа. Выйти из этой череды то насилия, то обмана, ввести политическую власть в ту сферу, где свободно и независимо господствуют конституционные интересы общества, и упрочить тем самым посредством прямого избрания депутатов открытое и сильное влияние на правительство – вот чего хотели достичь авторы этого закона, ни больше, ни меньше»⁸⁵.

Как видим, доктринеры пытались избежать крайностей, занять умеренную позицию между ультрароялистами, считавшими, что избирательным правом должны обладать 15–20 тыс. избирателей, и левыми либералами, требовавшими установления всеобщего избирательного права⁸⁶.

Однако период активного сотрудничества доктринеров с правительством был недолгим. Королевская власть не желала идти так далеко, как того хотели конституционные роялисты. После убийства 13 февраля 1820 г. герцога Ш.-Ф. Беррийского, второго сына графа д'Артуа, будущего короля Карла X, и падения министерства Деказа во Франции наступил период реакции.

Перемены в правительственном курсе отразились самым непосредственным образом на карьере Гизо: он был отстранен от своих должностей, вступает в ряды оппозиции правительству и возвращается к преподавательской деятельности на Факульте де летр Сорбонны. Этим же временем датируется и начало нового этапа в развитии идеологии доктринеров. Именно Гизо, а не Руайе-Коллар, отныне – их главный теоретик. Если Руайе-Коллар, как, впрочем, и Гизо, прежде выступали за идею сильной королевской власти в качестве противовеса ультрароялистам, то теперь, когда правительство само перешло к реакционным мерам, Гизо выступает убежденным защитником парламентаризма, идеи сильной власти парламента.

7 декабря 1820 г. Гизо начал читать курс лекций, посвященный истории цивилизации в Европе от падения Римской империи до начала 1789 г., из которого впоследствии была составлена «История происхождения представительного правления», опубликованная спустя тридцать лет, в 1851 г. Лекции Гизо имели блестящий успех и стали важным событием не только в научной, но и в общественно-политической жизни Франции, хотя он всячески подчеркивал

⁸³ Прямая подача голосов в главном городе округа сводила почти на нет то исключительное влияние крупных землевладельцев и сельского дворянства, которым они пользовались в окружных коллегиях при двухстепенных выборах. Но избиратели, платившие 300 франков прямых налогов, оказались более либеральными, чем предполагали министр внутренних дел Лэне и доктринеры: в палате депутатов увеличилось число представителей партии независимых: в 1817 г. они составляли 25 человек, в 1818–45, в 1819–90. См.: *Лависс Э., Рамбо А.* Указ. соч. Т. 3. С. 104.

⁸⁴ *Guizot F. Mémoires...* V. P. 166.

⁸⁵ *Ibid.* P. 166–167.

⁸⁶ *Lavergne L.* Op. ск. P. 576.

свое стремление отгородиться от любых аналогий с современной политикой. Впоследствии он так отзывался о специфике своего курса:

«Я отбросил в своем курсе все, что могло бы иметь намек на тогдашние обстоятельства, на систему и образ действий правительства. Я строго заключился в сферу общих идей и воспрещал себе всякие нападки, всякие намеки на события и на борьбу, происходившие в то время»⁸⁷. Однако абстрагироваться от текущей политики было сложно, и политическое кредо Гизо, те политические принципы, которые он отстаивал, не могли не найти отражения в его лекциях.

В умеренно-либеральном журнале «Русский вестник», выступавшем в защиту конституционно-монархических принципов, давалась следующая характеристика лекционного курса Гизо: «...На всем преподавании Гизо, совершенно от него независимо, отразился его политический образ мыслей. Прежде чем смотреть на Гизо как на ученого деятеля, надо видеть в нем человека политического; его лекции не были только плодом спокойного изучения предмета в прошлом, безо всякого отношения к настоящему. Гизо – сторонник конституционного правления; он служил ему делом, в правительственной сфере; когда она была ему закрыта, он перенес свои убеждения на кафедру и продолжал им служить научным образом». В «Русском вестнике» обоснованно формулировалась и основная идея курса: «...доказать, что конституционный образ правления вытекал естественно из всего предшествующего исторического развития Франции»⁸⁸.

А вот как сам Гизо объяснял задачи своего курса: «Я избрал предметом своего курса историю древних политических учреждений христианской Европы и происхождение представительного правления в разных государствах, где оно было испробовано с успехом или без успеха. Таким образом, я близко касался поразительных затруднений той современной политики, от которой я решился держаться вдали, но вместе с тем, предмет этот давал мне случай стремиться путем науки к двойной цели, которую я имел в виду, то есть разрушать революционные теории и привлекать интерес и уважение к прошедшим судьбам Франции». Кроме того, являясь убежденным сторонником компромисса между старой, дореволюционной Францией, и новым, постреволюционным обществом, Гизо стремился показать необходимость опоры на традиции, использования богатейшего опыта, накопленного французской цивилизацией:

«Мне хотелось возобновить старую Францию в памяти и в понимании новых поколений, ибо было бы столь же бессмысленно, сколько и несправедливо презирать наших отцов в ту минуту, когда мы сами, много заблуждаясь в свою очередь, делали шаг на том пути, по которому они шли в продолжении стольких столетий. Я был в одно и то же время либерал и антиреволюционер, предан основным началам нового французского общества и исполнен уважения к старой Франции»⁸⁹.

По его глубокому убеждению, было ошибочно противопоставлять Францию Старого порядка и Францию постреволюционную, и рассматривать революцию как некий водораздел между ними. Считая революцию конца XVIII века высшим этапом в развитии французской цивилизации, Гизо подчеркивал ее теснейшую взаимосвязь с предшествующей и последующей историей страны. Эта идея пронизывала весь его лекционный курс: «...Во мне было убеждение, что наши предшественники 1789 г. слишком мало ценили старую Францию, ее общественные элементы, предания, нравы, и что для прочного утверждения свободы надлежало обращать больше внимания на прошедшее»⁹⁰.

⁸⁷ Феоктистов Е.М. Записки Гизо. Империя и Реставрация. С. 362.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 363–364.

⁹⁰ Там же. С. 367.

Однако лекционный курс Гизо был воспринят властями как излишне либеральный. 12 октября 1822 г. он был запрещен, а Гизо лишен кафедры и должности в Государственном совете.

Отстраненный от дел, он погружается в исторические исследования. В 1823 г. издает огромные собрания материалов: «Собрание мемуаров по истории Франции» (31 том) и «Собрание мемуаров по истории Английской революции» (26 томов), публикует знаменитую книгу Мабли «Наблюдения о французской истории», добавив к ней четвертую часть «Опыты по французской истории».

В эти же годы Гизо пристально изучает историю Великобритании. Он отмечал в своих «Мемуарах»: «При внимательном сравнении исторического и общественного развития Франции и Англии, не знаешь, чему более удивляться, сходству или различию этих двух стран. Никогда две нации, чуждые и по происхождению, и по многим условиям, не были так тесно соединены в своих судьбах и не оказывали, одна на другую, то войнами, то мирными сношениями, такого постоянного влияния. Поверхностно, следовательно, и ошибочно думают те, кто считает французское и английское общество столь враждебными между собой, что они не могут заимствовать друг у друга политических примеров, иначе как под условием пустого и бесплодного подражания. Даже долгая борьба не была в состоянии разрушить ту явную или тайную связь, которая существует между ними»⁹¹. Как видим, Гизо признавал как значительные различия, так и элементы сходства в английской и французской системах. В то же время, он признавал ошибки, допущенные доктринерами, отмечая, что «...мы иногда слишком поспешно и слишком безусловно заимствовали от Англии. Мы не обращали достаточного внимания на характер и особенные условия французского общества»⁹².

⁹¹ Там же. С. 365–366.

⁹² Там же.

Глава 2

Рождение Июльской монархии

На пути к «Трем славным дням»

Тем временем в стране происходят серьезные перемены. 16 сентября 1824 г. умирает король Людовик XVIII. Корону наследовал его младший брат, граф д' Артуа под именем короля Карла X. 29 мая 1825 г. в Реймском соборе проходит торжественная церемония коронации 67-летнего монарха.

Первые шаги нового короля буквально обескуражили либералов, которым хорошо были известны ультрароялистские убеждения графа д' Артуа. В своей первой тронной речи перед депутатами и пэрами Карл X заявил о намерении уважать Конституционную Хартию, подписанную его покойным братом. Дальнейшие решения как будто бы подтверждали благие намерения короля. Он отменяет цензуру, чем сразу же приобретает симпатии прессы, приближает к себе одного из вождей либеральной партии герцога Орлеанского, даровав ему титул Королевского Высочества, вводит в состав Королевского совета своего сына, герцога Ангулемского, известного симпатиями к идеям конституционализма. Эти первые решения обнадежили общество. Когда 27 сентября 1824 г. Карл X уже в новом качестве торжественно въехал в столицу, он был встречен неподдельными проявлениями радости. Последующее развитие событий показало, что первоначальное заигрывание с либералами должно было обеспечить Карлу X спокойное наследование власти – не больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.